

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

Тетка Вера оказалась права!

— Не бросай ты, Ляська, швабру с ведерком у порожка, — говорила она, укоризненно тряся тугими барашковыми кудельками — голубенькими, по забытой уже в городе моде. — Убьется же хтось!

— Хтось? — смеялась я, умиляясь неизменной теткиной заботливости. — Кот Шуруп? Я ж одна живу, тетя Вера!

— А как явится хтось? — не унималась тетка.

— Как явится? Откуда? — Тут я взмахивала руками, обводя мировые просторы, на которых до сих пор не нашелся тот «хтось», который явился бы ко мне в деревню Пеструхино.

А «хтось» вдруг взял и явился! И ведь что примечательно: как нарочно, именно когда я закончила мыть полы. И — да, конечно же, по привычке оставила швабру с ведром у порожка. Ненадолго — не неряха же я какая — только на то время, пока буду любоваться сияющими мокрыми полами.

Красно-коричневая краска на них, свежевывмытых, будто загустела и сделалась глянцевой, как пасхальное яичко, крашенное в луковой шелухе. Законное солнце — ставни я уже распахнула —

ударилось в мокрую поверхность, разбилось, запрыгало по неровностям слепящими зайчиками...

Мне нравились мокрые деревенские полы — живые и веселые, не то что строгий и скучный городской ламинат. Не нравились бы — я б их не намывала каждое божье утро. Ну, и швабру с ведерком у порожка не бросала бы. А тут вот бросила, как всегда, и вышло неладно.

Сначала на красно-коричневый глянec, разом прихлопнув с полдюжины резвых солнечных зайцев, упала просторная тень. Я не сразу сообразила, в чем дело, но тут появились чоботы — иначе эту обувь было не назвать. Помятые, заскорузлые, грязные! С намытыми полами они диссонировали, как самогон с «Тирамису», — я ахнула, отмерла и прервала свое благоstное буддистское созерцание.

И тут же услышала матерок — досадливый и грязный, как... как эти самые чоботы. Под ними на старательно намытом глянце уже расплывались комковатые желто-серые пятна — по характерному цвету, структуре и амбре я мигом признала самодельное удобрение, только вчера рассыпанное на грядках соседки бабы Дуси.

Я вслух подумала:

— Огородами шел! — И при виде грязюки машинально потянулась за шваброй.

А этот, в чоботах, сказал:

— Вот же с-с-с... — И назвал меня — а кого еще,

я же одна живу, кот Шуруп не в счет! — собакой женского рода и женщиной легкого поведения.

У меня как раз уже швабра в руке была, и я ее дернула на себя. А этот, в чоботах, слишком резко и внезапно подался ко мне, ну и встретились они — его подбородок и моя швабра.

Эта их первая встреча была совершенно случайной! Могу поклясться, я не хотела. Мужик, понятно, тоже. О швабре и речи нет — той вообще все параллельно.

Но Хтось схватился за челюсть, снова матерно замычал, а на поруганный красно-коричневый глянец со звоном брякнулось что-то железное, мигом воскресившее часть пришибленных было солнечных зайцев.

Я пытливо моргнула, присматриваясь, — а это ножик! Косой, сапожный, в оплетке синей изо-ленты — дядя Петя таким из моих фасонистых городских ботильонов чувяки вырезал, когда кот Шуруп в приступе необъяснимого буйства в лоскуты подрал кожаные голенища.

И вот на ножик в сочетании с невнятной матерной угрозой я, признаюсь, отреагировала уже сознательно — шарахнула этого, в чоботах, пере-кладиной швабры, как зловердное насекомое резиновой мухобойкой!

Враг зашатался и присел. Я, развивая успех, бросила швабру, схватила ведро, прицельно выплеснула грязную воду, пустую емкость нахло-

бучила на чужую мокрую голову и уже по сверкающему оцинкованному железу, как по шлему рыцаря-захватчика, еще разок-другой влупила победоносной шваброй — своей дубиной народной войны.

Ведерно-колокольный звон еще не растаял в воздухе, а я уже летела по деревне, как фурия: в одной руке швабра, в другой массивный, как кочерга, ключ от входной двери — ее я мигом заперла, пленив поверженного вражину в чоботах.

— Ми-и-итя! Митяй! Мить, Мить, Мить! — тревожно высвистывала я на бегу, держа курс через три двора на четвертый — к Митяю, Дмитрию Палычу, здешнему участковому и моему двоюродному брату по совместительству.

Даже не знаю, что для Митяя хлопотнее и уютнее — служба или наше с ним родство. Хотя родни у Митяя и без меня немало. То ли наша с его матушкой фамилия дала название всему населенному пункту, то ли наоборот, но факт есть факт: мы с теткой Верой Пеструхины из деревни Пеструхино! Хотя тетка, выйдя замуж, фамилию сменила и стала Синеглазовой. А я в браке еще ни разу не состояла и потому до сих пор зовусь, как отчая деревня.

Не то чтобы я видела в этом повод для гордости — мне бы больше понравилось быть тезкой городу Парижу, например... Алиса де Пари, а? Зву-

чит ведь? Это, кстати, мой псевдоним в интернет-журнале «Тренды-бренды», у меня там авторская колонка про всякую-разную гламурятину...

Только не подумайте, что я работаю в «Трендах-брендах» — нет, там я всего лишь подшабашиваю. Официально я трудоустроена в солидном СМИ — газете «ФинансистЪ», но там не очень хорошо платят. Хуже, чем в несерьезных модных «Трендах».

И вот зачем я сейчас об этом, а? Побежала я, стало быть, по деревне к брату-участковому. А Митяй сидел под яблонькой во дворе и ел борщ. Он всегда по утрам ест борщ, глазунью с салом, пироги — основательно так трапезничает. Тетка Вера, маманя Митяя, как раз спускалась с крыльца с парящим чайником и при виде бегущей и вопящей меня — со шваброй! — уронила руки и едва не ошпарилась.

— Митяйчик, ко мне там влез один, а я его бац, бац — и заперла! — лаконичненько доложила запыхавшаяся я и обессиленно упала на лавочку.

— Ох ты ж господи! — Тетка Вера перекрестилась свободной от чайника рукой и поторопилась спуститься с крылечка. — А ну отдыхивай, отдыхивай! Шчас тебе чаю налью, а мож самогоночки сразу?

— А заперла-то чего? — утерев ладонью залоснившиеся от жирного борщца губы, лениво поинтересовался Митяй-участковый. — Шоб

не сбег? Ему ваше бац-бац не понравилось, а ты не прочь повторить?

— А ну умолкни, охальник! — Тетка Вера сдернула полотенце, используемое вместо фартука, и привычно погрозила им сыну. — Вишь, не в себе девка! Пожалей, зря не выпрашивай.

— Не, не, пусть спрашивает. — Я обмахнулась ладошкой. — Значит, так. Здоровый мужик, как медведь какой, в жутких чоботах...

— Мог бы и их снять, — хохотнул неугомонный Митяй.

— Цыц! — Тетка Вера хлестнула-таки его полотенчиком. — Не мешай слушать! Ляська, рассказывай!

— Я только полы помыла, и тут он! Вломился в дом, обматерил меня, нож уронил, а я его шваброй, шваброй... Или нет, сначала я его шваброй — случайно, потом он меня обматерил, и тогда я его снова шваброй, а он выронил нож... Или опять нет: сначала он выронил нож, а уже потом я его снова шваброй? — Нервничая, я никак не могла восстановить последовательность событий и очень от этого огорчалась. Обычно у меня с изложением проблем не возникало, акула пера как-никак! — Ох, что же было раньше — курица или яйцо?

— Слышь ты, курица, — построжал Митяй-участковый, откладывая ложку. — Соберись. Я пока не понял, ты кого-то убила, что ль? — И он покосился на швабру.

А тетка Верка опять боязливо перекрестилась.
— Надеюсь, что не убила, — ответила я и прислушалась к своим ощущениям. — Нет, точно не убила. Когда я убежала, он ворочался, ведром о стену бился... Что? — Я обвела обиженным взглядом вытянувшиеся лица непонятливых слушателей. — Да, вот представьте, он в ведре был!

— И в жутких чоботах, — слабым голосом припомнила тетка Вера, тоже села, подперла голову ладошкой и с прискорбием воззрилась на меня.

Я же при упоминании чоботов возмущенно вскинулась:

— Он огородами шел! Грязюки мне натащил торфяной! С-с-собака... мужского рода...

— Стоп, Ляся, Ляся! — Митяй вдруг приподнялся, сунул руку в карман домашних штанов-трикошек, выудил оттуда мобильник и полез смотреть сообщения.

Он что-то нашел, взволновался, выругался, схлопотал от строгой мамки за сквернословие полотенчиком, подорвался и побежал в дом. Вернулся в брюках и при табельном оружии.

— Свят, свят, свят! — Тетка Вера закрестилась размашисто и часто — рука аж расплывалась в воздухе, как разгоняющиеся лопасти вертолета.

— Сидите здесь! Ни с места! — Митяй помчался к калитке по прямой, топча морковные грядки — цветочков во дворе практичная тетка Вера не признавала.

С полдороги он вернулся, вырвал из моей за-каменевшей руки ключ-кочергу, погрозил им:

— Сидеть, не рыпаться! — И шустро выкатился на улицу.

У него для этого очень подходящая конфигурация — почти шар. Утренний борщ с глазуньей и пирогами — та еще диета.

Будоража деревенских собак, Митяй под задорный многоголосый лай покатился по улочке. Мы с теткой сидели ни живы ни мертвы, прислушивались — ждали свиста, криков, выстрелов. Но так и не дождались.

— Шо це було-то таке? — через некоторое время спросила тетка Вера, из-за переживаний перейдя на «балачку».

Дядя Саша, покойный отец Митяя, сорок лет назад закатился в Пеструхино из кубанской станции. Тетка у супруга много чего переняла — и говорок, и рецепты.

Я пожала плечами и наконец поставила швабру, осознав, что все это время продолжала держать ее в высоком замахе.

Дилинь-дилинь! — в доме затрезвонил телефон. Тетка Вера подскочила и, торопливо ковыляя, убрела в дом. Через минуту она высунулась половинкой лица в окно кухни — короткий телефонный шнур не позволял явиться полнолицо — и крикнула:

— Ляська, Митяй говорит — все норм!

— Ничего себе — норм, — пробормотала я. Такого бурного утра у меня не было давненько, может, даже никогда.

— Митяй его взял! Это беглый был, из колонии, к счастью, недалеко ушел!

— Беглый, — повторила я, ощущая легкое головокружение. — К счастью...

Лично у меня о счастье совсем другое представление, но оно почему-то уже много лет остается умозрительным и никак не сбывается.

В моем представлении о счастье прочно обосновались воображаемые муж и дети, двое: мальчик и девочка. Ее я бы назвала Настей или Дашей, а его — Егором или Денисом.

Мужа пусть зовут как угодно, был бы только человек хороший: честный, добрый, непьющий и работающий. А трудиться он может в любой сфере, но лучше, конечно, в какой-нибудь творческо-интеллектуальной, как и я, чтобы нам было о чем поговорить и он не пропал на работе с утра до вечера, а побольше времени проводил с Машей-Дашей, Егором-Денисом и со мной.

Меня, кстати, зовут Алисой. Для деревенских это слишком изысканно, и они кличут меня Ляской. Я откликаюсь, почему бы и нет — в «Ляске» мне чудится остроумная отсылка к известному выражению «точить лясы», а чем, как не этим самым, занимается нынешняя журналистика?

— Шла бы ты, Ляська, вот хоть за Семена Бурякова, — часто говорит мне тетка Вера, неодобрительно цыкая на цифровую фоторамку, которую я привезла из города и пристроила на столике в красном углу, где у порядочных деревенских стоят попеременно иконки и выцветшие фотки родни.

У меня в фоторамке — набор меняющихся картинок из интернета: хорошенькие чистенькие детки, уютный дом, семейный отдых у моря, взрослая пара на фоне заката (он держит ее за руку, она положила голову ему на плечо), дети играют с котом и собакой...

Очень красивые картинки — помогают мне визуализировать мечты.

Пока, правда, у меня сбылся только кот — персидский, рыжий, толстый, сердитый. Я назвала его в честь шумерского города Шуруппака, который был расположен южнее Ниппура, на берегу Евфрата — в древней Персии. Кот же перс!

А «Поучения Шуруппака» — знаменитая книга, один из важнейших примеров шумерской литературы мудрости, призванной обучать смирению, прививать добродетель и оберегать нравственность.

Мне данных качеств, если честно, несколько не хватает — это мне все постоянно дают понять. Кроме кота Шуруппака, за что ему отдельное спасибо. Кот принимает меня такой, какова я есть.

И пить. Пока я его своевременно, вкусно и сытно кормлю и пою, Шуруппак ко мне не в претензии.

Для деревенских, правда, и имя кота моего избыточно изысканно, так что Шуруппака они называют Шурупом. Я же ласково кличу его Шурой, Шуриком — коту все равно, он вообще ни на какие имена не отзывается, реагирует на призывы выборочно и исключительно по собственному желанию.

Кот у меня мудрое животное. Зрелая хвостатая личность. А тетка Вера убеждена, что компании самого зрелого кота относительно молодой женщине недостаточно, и постоянно навязывает мне то Семена Бурякова, то Василия Капустина, то еще кого из местных, сплошь неизысканных.

— Замуж тебе, Ляська, надо срочно. Вот прям бегом! — говорит она, неприязненно косясь на фоторамку с идеальным виртуальным семейством. — Тридцать восемь годков, это ж надо! Да твоя бабка, моя мать, в эти годы уже четвертого рожала!

Я киваю: мол, в курсе. Тем четвертым как раз был мой папа, царство ему небесное.

— Эх, Ляська, Ляська, — тоже вспомнив покойного брата, вздыхает тетка Вера и на какое-то время отстает от меня с разговорами о замужестве.

Она по-своему деликатна, но как-то своеобразно сочетает тактичность с прямолинейностью... Однако что ж я тут расселась да призадумалась? Если дома все норм, пора мне возвращаться.